

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МОЗГ: ДВА ВОПРОСА, ТРЕБУЮЩИХ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ

Показано, что явления субъективной реальности связаны с мозговыми процессами, как информация со своим носителем, представляющим определенную нейродинамическую систему. Обсуждается задача расшифровки мозговых кодов явлений субъективной реальности.

Ключевые слова: мозг; субъективная реальность; информация; нейродинамическая система.

Проблема объяснения сознания с позиций психофизиологии и нейронаук стала исключительно актуальной в условиях информационного общества и научно-технической революции, вызванной бурным развитием четырех мега-технологий. Это нанотехнологии, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии (их связь обозначается в западной номенклатуре NBIC). Они взаимоплодотворяют друг друга, создавая небывалые, чрезвычайно мощные средства преобразования человека и земной цивилизации. В этом процессе стратегически важным звеном является разработка указанной проблемы, которая в классическом варианте именуется проблемой «сознание и мозг». Ее суть выражена словами И.П. Павлова: «Каким образом материя мозга производит субъективное явление» [1. С. 247]. Она составляет центральный и наиболее трудный для исследования раздел психофизиологической проблемы, включает существенные философские предпосылки и аспекты, но остается *научной* по своему содержанию, методам исследования и результатам.

Проблема «сознание и мозг» (mind-brain problem) вот уже более полувека находится в центре внимания аналитической философии, где она представлена поистине колоссальным объемом литературы (порядка тысячи монографий и сборников, огромное число статей). Важно подчеркнуть, что в подавляющем большинстве представители аналитической философии опираются на результаты научных исследований; некоторые же из них принимают непосредственное участие в развитии когнитивных наук.

Теоретические трудности проблемы «сознание и мозг» начинаются уже с определения сознания. Понятие сознания многомерно, не поддается линейной экспликации, требует специального кропотливого анализа (эти вопросы подробно обсуждаются) [2]. Для наших целей достаточно выделить его главное специфическое свойство, из-за которого оно становится камнем преткновения для нейрофизиологических исследований и для научного объяснения вообще.

Сознание обладает специфическим и неотъемлемым качеством субъективной реальности (СР), которое представляет осознаваемые психические состояния индивида, удостоверяющие для него факт его существования. Понятие СР охватывает как отдельные явления и их виды (ощущения, восприятия, чувства, мысли, намерения, желания, волевые усилия и т.д.), так и целостное персональное образование, объединяемое нашим Я, взятом в его относительном тождестве самому себе, а тем самым – в единстве его рефлексивных и ареллексивных, актуальных и диспозициональных измерений [3]. Это целостное образование представляет собой исторически развертывающийся континуум, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания. СР всегда представляет собой опре-

деленное «содержание», которое дано индивиду в форме «текущего настоящего», т.е. сейчас, хотя это «содержание» может относиться к прошлому и будущему. Все множество явлений СР, протекающих как последовательно, так и одновременно, в значительной степени организуется и управляется нашим Я, которое, в свою очередь, всегда в том или ином отношении проникнуто их «содержанием». Лишь в патологии возникают так называемые психические автоматизмы и другие проявления деперсонализации – переживание чуждости, независимости от Я отдельных явлений СР, их навязанности, неуправляемости [4].

Качество СР обозначается в аналитической философии и другими терминами: «ментальное», «феноменальное», «интроспективное», «субъективный опыт», «квалиа». Именно это качество создает главные теоретические трудности при попытках включить реальность сознания в естественно-научную картину мира, в частности при попытках объяснения его связи с мозговыми процессами. Наряду с этой онтологической трудностью перед нами не меньшая гносеологическая трудность. Явления СР описываются в категориях интенциональности, смысла, ценности, цели, воли, а мозговые процессы – в категориях массы, энергии, электрохимических процессов, пространственных отношений. Возникает задача соотнесения и интеграции в единой концептуальной структуре двух языков описания и объяснения, которые не имеют между собой прямых логических связей.

Эти онтологические и гносеологические трудности проблемы «сознание и мозг» (которые взаимообусловлены!) именуют в аналитической философии «провал в объяснении»; для их преодоления используется редукционистская стратегия, представленная в двух ее вариантах: *физикалистском* (когда явления СР редуцируются к физическим процессам) и *функционалистском* (когда они редуцируются к функциональным отношениям). Сравнительно немногочисленные противники редукционизма (Т. Нагель, Д. Чалмерс, Дж. Серл и др.) не предлагают, однако, четкого концептуального решения указанной проблемы.

Такое решение должно представлять собой теоретически корректный ответ, по крайней мере, на два следующих вопроса, составляющих суть проблемы «сознание и мозг»:

I. Как объяснить связь явлений СР с мозговыми процессами, если первым нельзя приписывать физические, в том числе пространственные свойства, а вторые ими по необходимости обладают?

II. Как объяснить способность явлений СР служить причиной телесных изменений, если им нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию и др.)?

Можно поставить и третий вопрос: как объяснить феномен свободы воли в свете детерминированности

мозговых процессов? Он связан с первыми двумя главными вопросами и зависит от их решения.

В современных нейрофизиологических исследованиях и когнитивной науке эти вопросы неизбежно возникают, но они далеко не всегда четко выражены и осмыслены. При попытках их *научного* решения, как правило, явно или неявно используются метафизические или метанаучные послылки, которые определяют различные теоретические конструкции в психофизиологии. Задача состоит в том, чтобы не подключать к объяснению метафизические послылки, по крайней мере, в явном виде ограничиться теми понятиями и теоретическими принципами, которыми оперируют когнитивные науки.

Для ответа на эти вопросы предлагается информационный подход. В нем, следуя за Н. Винером, информация определяется как «содержание сообщения» («содержание сигнала»), т.е. в общепринятом смысле, который признается сторонниками различных концепций информации, опирающихся на научное знание. Оно не противоречит двум основным философским концепциям – *атрибутивной*, полагающей, что информация присуща всей материи, и *функциональной*, ограничивающей область ее существования самоорганизующимися системами, начиная с биологического уровня.

Исходные послылки этого подхода следующие:

(1) Информация необходимо воплощена в своем физическом (материальном) носителе, который является определенной кодовой формой ее существования.

(2) Информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя, т.е. может кодироваться по-разному (сокращенно далее это именуется «принцип инвариантности»).

К этому следует добавить одно разъяснение (3) и одно соглашение (4).

(3) *В самоорганизующихся системах информация служит фактором управления.* В силу послылки (2) именно информация, а не конкретные физические свойства ее носителя определяют на основе сложившейся кодовой зависимости цель, процесс и результат производимого действия.

(4) *Явления СР могут интерпретироваться в качестве информации.* (В силу интенциональности явлений сознания, СР, их «содержательности»; ни одно из них не бывает «пустым». Например, мое восприятие дерева как явление моей СР есть информация о соответствующем внешнем предмете.). Если эти послылки и положения (3) и (4) принимаются, то из них следуют искомые объяснения.

1. Явление СР связано с определенным мозговым процессом, как информация со своим носителем. Это особый тип функциональной связи, отличающийся от причинной связи. Рассмотрим пример. Я вижу сейчас дерево перед окном. Переживаемый мной образ дерева есть явление СР (обозначим его **О**), его носителем (согласно современным представлениям) является определенная мозговая нейродинамическая система (обозначим ее **Х**). Связь **О** и **Х** специфична в том плане, что **О** и **Х** есть явления *одновременные* и *однопричинные*, они находятся в отношении взаимодозначного соответствия. Такой тип функциональной связи я называю *кодовой зависимостью*. **Х** является кодом **О**. Поэтому нейрофизиологическое объяснение данного явления СР **О** состоит в расшифровке его нейродинамического кода **Х**.

Задача такого рода носит герменевтический характер, она поставлена уже наукой и решается (вслед за расшифровкой кода ДНК и генома человека). Говорить о пространственной локализации явления СР можно лишь в том смысле, что оно воплощено в определенном нейродинамическом коде.

Что означает задача расшифровки кода? Ведь информация существует исключительно в кодовой форме. Это может означать лишь одно: преобразование непонятного для данной системы кода в понятный. А постольку существуют два типа кодов, я называю их «естественными» и «чуждыми».

«Естественные» коды непосредственно «понятны» той системе, которой они адресованы, «прозрачны» для нее, не требуют операции декодирования (слово «дерево» сразу понятно человеку, хорошо знающему русский язык, ему не нужно специально (сознательно) анализировать физические и структурные свойства этого кодового объекта и т.п.). Информация в форме естественного кода «готова» для управления.

«Чуждые» коды требуют декодирования. Но это означает не что иное, как *преобразование «чуждого» кода в «естественный» код*. После того как найден и закреплен способ такого преобразования, «чуждый» код становится для самоорганизующейся системы «естественным», что знаменует акт ее развития. В самоорганизующейся системе существуют «первичные», **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ КОДЫ** (например, код ДНК, частотно-импульсный код в нервной системе), над которыми настраиваются в процессе филогенеза и онтогенеза новые кодовые зависимости.

В явлениях СР личности дана информация, так сказать, в «чистом» виде (т.е. те мозговые коды, в которых воплощены явления СР, нами не ощущаются, не отображаются). Этот фундаментальный факт нашей психической организации объясняется тем, что в силу послылки (2) у живых существ для приспособления к среде развивалась в процессе эволюции способность приобретения информации и эффективного оперирования ею, а отображение носителя информации оказывалось для этой цели не существенным и потому не развивалось. На основе этого принципа объясняется и сам факт субъективного переживания – почему объективно существующие в мозгу нейродинамические коды переживаются в качестве образов, мыслей и т.п., которых в мозгу нельзя обнаружить.

Расшифровка мозговых кодов явлений СР – реальная научная задача. В этой области уже сейчас достигнуты значительные результаты. Ее решение способно вызвать судьбоносные для земной цивилизации последствия как *позитивного*, так и *негативного* характера.

Если мозговые коды явлений СР будут в существенной степени расшифрованы, то это поставит нас перед лицом чрезвычайных рисков, т.к. затронет фундаментальный принцип социальной самоорганизации – относительную «закрытость» внутреннего, субъективного мира личности. Будет нарушено неотъемлемое право личности: «открывать» другому свои мысли, намерения, чувства и т.п. лишь по своей воле. *Кто, как, зачем* станет «открывать» другого? Каковы могут быть социальные и иные последствия этого? Подобные вопросы требуют тщательного рассмотрения как в теоре-

тическом, так и в практическом плане. Перейдем к ответу на второй вопрос.

II. Явление СР способно выступать причиной телесных изменений в качестве информационной причины. Ее отличие от физической причины определяется принципом инвариантности (причинный эффект вызывается тут именно информацией на основе сложившейся кодовой зависимости, а не самими по себе конкретными физическими свойствами носителя данной информации). Психическая причинность есть вид информационной причинности, и важно подчеркнуть, что она ни в коей мере не затрагивает принцип физической причинности.

Явление СР способно выступать не только причиной телесных изменений, но и причиной других явлений СР (когда, например, одна мысль влечет другую и т.п.). Феноменологически центром активности здесь выступает наше Я. *Но если я могу по своей воле оперировать своими явлениями СР, то это равносильно тому, что я могу по своей воле оперировать их нейродинамическими кодами, т.е. управлять некоторым классом своих мозговых нейродинамических систем, а это означает, что Я представляет особую самоорганизующуюся подсистему головного мозга.*

Эго-система образует высший уровень мозговой самоорганизации и управления; именно на этом уровне функционируют кодовые структуры типа Х. Она охватывает не только сферу сознательных, но и сферу бессознательных психических процессов, регулирует их взаимодействие. Только в контурах эго-системы информационные процессы приобретают качество СР, что связано со специфическими кодовыми преобразованиями. Эти кодовые преобразования представляют, в частности, и уникальные особенности эго-системы (и, значит, *личностные* особенности индивида), в том числе и такой личностный параметр как волеизъявление. Используемое мной в данной работе и многих прежних публикациях понятие *эгосистемы головного мозга* довольно часто применяется в последнее время нейрофизиологами и психофизиологами [5].

Таким образом, *акт свободы воли* (как в плане производимого выбора, так и в плане генерации внутреннего усилия, а соответственно, генерации энергии для достижения цели) *есть акт самодетерминации*. Тем самым устраняется тезис о несовместимости понятий свободы воли и детерминизма, но детерминизм должен браться в смысле не только внешней, но и внутренней детерминации (задаваемой программами самоорганизующейся системы).

Теоретическое решение двух главных вопросов проблемы «сознание и мозг» имеет принципиальное значение для развития психофизиологии и когнитивных наук в целом. Задача расшифровки мозговых кодов психических

явлений может рассматриваться как важнейший способ их нейрофизиологического объяснения.

Рассмотрение задач и результатов исследований в области психофизиологической проблематики, которые интенсивно ведутся в добром десятке крупнейших западных научных центров, позволяет говорить о сравнительно новом направлении в когнитивных науках – *нейрокриптологии*.

Разумеется, я отдаю себе отчет, что предложенное мной теоретическое решение [6] является, так сказать, пробным, одним из мыслимых вариантов; оно должно пройти серьезные критические испытания; и было бы важно противопоставить ему конкурентную концепцию. Ибо только таким путем можно продвигаться в решении крайне трудных проблем.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что на современном этапе развития когнитивных наук и нейронаук (их области пересекаются, но далеко не совпадают), в условиях чрезвычайного обилия и разнообразия эмпирических данных, их высокой информационной избыточности, сохраняющейся разобщенности различных дисциплин, исследующих головной мозг, острой актуальности междисциплинарных проблем возникает настоятельная потребность в специальной теоретической деятельности, которая способна служить оптимизации исследований, сокращению в них избыточной информации (столь заметной в публикуемых результатах многих экспериментальных работ). Она призвана четко фиксировать узловые задачи, обозначать и стимулировать прорывные направления исследований.

Думаю, в области нейронаук, особенно в психофизиологии, назревает то, что давно имеет место в области физики – разделение труда между экспериментаторами и теоретиками, т.е. *потребность в специализированной теоретической деятельности* (Эйнштейн, Гейзенберг, многие другие выдающиеся физики не занимались экспериментами, были теоретиками, но хорошо известно, что именно они играли первостепенную роль в развитии физики). Ряд крупных ученых говорят об этом, подчеркивая колоссальное накопление фактического материала, дефицит его упорядочения и интегрального осмысления. Дж. Хокингс считает, что современные исследования мозга настоятельно требуют создания «теоретической нейробиологии» [7. С. 11]. В происходящем сейчас процессе становления такого рода специализированной теоретической деятельности первостепенная роль может принадлежать именно философам – профессионалам в области теории познания и методологии науки. Но для этого, конечно, они должны быть достаточно компетентны в соответствующих областях научного знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. 2-е изд. М.; Л., 1951. Т. 2, кн. 2.
2. Проблема сознания в философии и науке / Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: Канон+, 2009. 471 с.
3. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. 2-е изд. доп. М.: Канон+, 2002. 368 с.
4. Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: Стратегия-Центр, 2007. 272 с.
5. Матюшкин Д.П. О возможных нейрофизиологических основах природы внутреннего «Я» человека // Физиология человека. 2007. Т. 33, № 6. С. 1–10.
6. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 386 с.
7. Хокингс Дж., Блейкли С. Об интеллекте. М.: Вильямс, 2007. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 1 марта 2010 г.